

УДК. 94(47)(082.1)

ГОЛОД 1932–1933 ГОДОВ – ОБЩАЯ ТРАГЕДИЯ НАРОДОВ СССР

© В. В. КОНДРАШИН

Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

кафедра отечественной истории и методики преподавания истории

email: vikont37@yandex.ru

Кондрашин В. В. – Голод 1932–1933 годов – общая трагедия народов СССР // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 11 (15). С. 117–120. – В статье на основе анализа результатов многолетней работы автора по теме голода 1932–1933 годов в СССР в центральных и региональных архивах приводятся аргументы против официальной концепции украинских историков о геноциде голодомором в 1932–1933 годах Украины. Доказывается, что в действительности это была общая трагедия народов СССР, обусловленная результатами сталинской аграрной политики.

Ключевые слова: голод, аграрная политика, хлебозаготовки, экспорт зерна, репрессии против крестьян, трагедия народов.

Kondrashin V. V. – Famine 1932–1933 – the general tragedy folk USSR // Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. V. G. Belinskogo. 2009. № 11 (15). P. 117–120. – In article on base of the analysis result perennial functioning (working) the author on subject of the hunger 1932–1933 in USSR in central and regional archives happen to the arguments against official concept ukrainian historians about genocide holodomor in 1932–1933 Ukraine. It Is Proved; that actually this was a general tragedy folk USSR, conditioned result Stalin agrarian policy.

Keywords: famine, agrarian policy, repressions against peasantry, stocking up grain, export grain, tragedy folk.

В настоящее время в исторической литературе и публицистике представлены две основные точки зрения относительно голода 1932–1933 годов в СССР. Первая точка зрения – это сторонники концепции о голодоморе в Украине как специфически украинском феномене, как геноциде народа Украины со стороны сталинского режима с целью не допустить выхода из СССР Советской Украины [9]. Вторая точка зрения – их оппоненты, в большинстве своём российские историки. На их аргументации мы и остановимся в данной статье.

Российские исследователи начали писать о голоде 1932–1933 годов в СССР ещё во второй половине 1980-х годов. Впервые эта тема прозвучала тогда в публикациях историков-аграрников Института истории СССР АН СССР, а затем Института российской истории РАН, В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого, И. Е. Зеленина [10. С. 23–35]. В них определилась и альтернативная точка зрения на проблему голода 1932–1933 годов в СССР. Суть её в следующем: голод 1932–1933 годов – трагедия всего советского крестьянства, результат осуществления в СССР сталинской модели форсированной индустриализации, обусловившей насильственную коллективизацию и принудительные заготовки сельхозпродукции, прежде всего хлебозаготовки, ради увеличения размеров хлебного экспорта и удовлетворения потребностей растущей промышленности.

Эта позиция документально подтверждена в опубликованных многотомных сборниках документов «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание» [21], «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» [20], вышедших в рамках организованных В. П. Даниловым международных проектов. Его участники, в том числе и автор настоящей статьи, на основе анализа ранее недоступных для исследователей документов из центральных и местных архивов, опубликованных в вышеуказанных сборниках и не вошедших в них, подготовили многочисленные публикации по истории коллективизации в СССР, в том числе голода 1932–1933 годов [10. С. 474–486].

Особенностью проектов В. П. Данилова было участие в них известных западных ученых: Р. Дэвиса (Англия), С. Уиткрофта (Австралия), Л. Виолы (Канада), Л. Самуэльсона (Швеция). Во многом благодаря участию в указанных проектах С. Уиткрофту и Р. Дэвису удалось написать совместную монографию, посвящённую анализу ситуации в сельском хозяйстве СССР в 1931–1933 годах, ознакомившись с которой Р. Конквест в письме авторам книги указал на ее научную ценность [7].

В 1990-е – начале 2000-х годов в России появились исследования голода 1932–1933 годов на региональном уровне, в которых авторы на местном материале подтвердили вышеизложенную концепцию ис-

ториков Института российской истории РАН. Среди них, в первую очередь, следует назвать публикации Е. Ю. Баранова, Г. Е. Корнилова о голоде на Урале, П. В. Загоровского и С. А. Есикова о голоде в Центрально-Черноземном районе, Т. Д. Надькина о голоде в Республике Мордовия, Н. Е. Кауновой о голоде в Среднем Поволжье, А. А. Германа о голоде в Республике Немцев Поволжья, Е. Н. Осколкова о голоде на Северном Кавказе и др. В них доказано распространение голодного бедствия в 1930–1934 годах по всей территории СССР: в Украине, на Дону, Кубани, в Поволжье, ЦЧО, Южном Урале, Западной Сибири [10. С. 474–486], Киргизии [3]. Совершенно исключительным по драматизму и последствиям стал голод в Казахстане [1]. Имеющиеся на данный момент публикации российских историков и их коллег из Казахстана, Киргизии, Белоруссии позволяют с полной уверенностью заключить, что в той или иной степени в 1929–1934 годах голодало практически всё сельское и городское население СССР.

На собственном опыте автор настоящей статьи убедился, что трагедия 1932–1933 годов в российских регионах оставила не менее неизгладимый след в народной памяти, чем в Украине. Занимаясь исследованием голода 1932–1933 годов в Поволжье и на Южном Урале, он обошёл 5 областей и в 102-х селениях опросил около 700 очевидцев трагедии [11]. Их свидетельства можно ставить в один ряд с опубликованными воспоминаниями украинских крестьян в известной «Народной книге-мемориале «Голод 33» Лидии Коваленко и Владимира Маняка. В каждой российской деревне, попавшей в зону голода, так же, как и украинской, помнили и до сих пор помнят тридцать третий год. Неслучайно, например, в районном поселке Малая Сердоба Пензенской области жителями установлен памятный знак – обелиск в память о жертвах тридцать третьего года, а на окраине посёлка на месте массового захоронения жертв голода – православный крест.

Внимательное изучение источников указывает, что шёл процесс постепенного и одновременного вхождения коллективизированных регионов СССР в голод, и существовал единый в своей основе механизм возникновения голодной ситуации в зерновых районах страны в 1929–1934 годах. Голод явился следствием антикрестьянской сталинской аграрной политики (насиленной коллективизации), которая разрушила традиционную, веками существовавшую систему выживания деревни в условиях голодной катастрофы. В ходе коллективизации и неразрывно связанных с ней принудительных заготовок продовольствия в деревне не осталось никаких страховых запасов зерна и других продуктов на случай голода. Раскулачивание изымало из сельской жизни кулака, традиционно помогавшего бедноте во время голода. Ситуацию усугубили действия власти по борьбе со стихийной миграцией населения из эпицентров голода.

Для российских историков очевидна связь голода и индустриализации, поскольку последняя стала причиной голодного экспорта. В 1930–1933 годах из СССР было вывезено свыше 10 млн тонн зерна. Эпицентрами голода оказались прежде всего зерно-

вые районы СССР, объявленные зонами сплошной коллективизации, где традиционно выращивались пшеница и рожь на экспорт. Причём львиная доля советского зерна, отправленного на экспорт в начале 1930-х годов (70 %), пришлась на два региона СССР – УССР и Северо-Кавказский край, а остальная – на Нижнюю Волгу и ЦЧО [14]. Именно в них в результате принудительного насаждения колхозов и выкачки из них всех продовольственных ресурсов в 1932–1933 годах наступил массовый голод со всеми его ужасами. Таким образом, в первую очередь, экономическая специализация районов предопределила масштабы трагедии в конкретных регионах СССР.

Связь коллективизации и голодной трагедии явно просматривается на примере Казахстана (входившего на правах автономии в РСФСР), где уже в 1929–1930 годах вследствие бездумного обобществления скота и завышенных планов скотозаготовок скотоводы стали умирать от голода. Подобная же ситуация, хотя и с меньшими человеческими жертвами, в 1930–1931 годах наблюдалась и в других регионах СССР, оказавшихся в зоне сплошной коллективизации.

Очевидны негативные результаты и просчёты избранной сталинским руководством системы планирования сельскохозяйственного производства, особенно планов государственных заготовок продовольствия. Они оказались явно завышенными с точки зрения производственного состояния колхозов и всего аграрного сектора в целом. Их выполнение с помощью административно-репрессивных мер разрушило сельское хозяйство, подорвало интерес крестьян (колхозников и единоличников) к добросовестному труду, вызвало их сопротивление в форме воровства зерна, несанкционированного отходничества, халатной работы на фермах и в поле.

Ответной реакцией власти на созданный ею кризис сельского хозяйства стало усиление насилия над крестьянством, достигшее кульминации осенью 1932 года в зерновых районах СССР (Украине, Северном Кавказе, Нижней Волге), где с помощью чрезвычайных мер из деревни в счёт хлебозаготовок были изъяты основные продовольственные запасы. Следствием данных мер стал голодный мор 1933 года.

Известные специалистам источники указывают на примерно однотипный механизм репрессий против крестьянства, осуществлённый сталинским режимом с целью выполнения планов хлебозаготовок. Октябрьский 1931 года Пленум ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках касался всех зерновых районов. Чрезвычайные комиссии Политбюро ЦК 1932 года по хлебозаготовкам были созданы почти одновременно на Украине, Кубани и в Поволжье. «Чёрные доски» для невыполнивших план хлебозаготовок районов были введены в Украине, Северо-Кавказском крае, Поволжье и других регионах. Конфискация всего продовольствия у крестьян за невыполнение плана хлебозаготовок происходила в 1932–1933 годах во многих зерновых районах. Произвол местных властей в отношении сельских тружеников в период хлебозаготовок был повсеместным, о чём можно судить хотя бы по письмам М. А. Шолохова И. В. Сталину о ситуации в Вёшенском районе, а

также фактам поголовного выселения казачьих станиц на Кубани за «саботаж хлебозаготовок».

В 1933 году не только в Украине, но и в российских регионах наблюдались все ужасы массового смертного голода. Так, например, в ходе записи воспоминаний очевидцев голода в Поволжье и на Южном Урале нами установлено, что в 1933 году случаи людоедства и трупоедства имели место в таких селах Саратовской области, как Новая Ивановка, Симоновка Калининского района, Ивлевка Аткарского района, Залётровка Петровского района, Огарёвка, Бурасы Новобурасского района, Ново Репное Ершовского района, Калмантай Вольского района, Шумейка Энгельского района, Семёновка Мокроусовского района, в селе Козловка Пензенской области, в таких селах Волгоградской области, как Савинка Палласовского района, Костырево Камышинского района, Серино, Моисеево Котовского района, Мачеха Киквидзенского района, Етеревка Михайловского района, Отрог Фроловского района, в селе Кануевка Безенчукского района Самарской области. Эти факты подтверждаются многочисленными архивными документами [2, 4, 6].

Документы свидетельствуют о том, что не только в отношении Украины и Кубани, но и других регионов СССР зимой 1933 года Сталиным была установлена блокада с целью запретить голодных людей в зоне голода, запретить им её покинуть. Речь идёт о директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 22 января 1933 года, согласно которой следовало остановить массовый выезд крестьян «за хлебом» из УССР и Северо-Кавказского края. 16 февраля 1933 года эта директива была распространена и на Нижне-Волжский край (в настоящее время это территория Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей, Республики Калмыкии) [21. С. 644]. В России, так же как и в Украине, ОГПУ и местные активисты вылавливали и возвращали на свои места голодающих крестьян [5].

Жертвами массового голода 1932–1933 годов в СССР стали не менее 7 млн человек...

На наш взгляд, масштабы жертв голода оказались прямо пропорциональны удельному весу зерновых регионов СССР в хлебозаготовках и хлебном экспорте.

Так, например, данные Всесоюзных переписей населения 1926 и 1937 годов показывают, что как минимум четыре региона тогдашней РСФСР – Саратовская область, АССР Немцев Поволжья, Азово-Черноморский край, Челябинская область – пострадали не меньше, чем Украина. Сравнительный анализ материалов переписей следующим образом фиксирует сокращение сельского населения в районах СССР, поражённых голодом в начале 1930-х годов: в Казахстане – на 30, 9%, в Поволжье – на 23, на Украине – на 20,5, на Северном Кавказе – на 20,4 % [8. С. 120].

Исходя из вышеизложенного, по мнению авторитетного российского демографа В. Б. Жиромской, от голода в начале 1930-х годов за пределами Украины, на территории РСФСР, без Казахстана, погибло не менее 2,5 млн человек [13], а вместе с Казахстаном, входившим в состав Российской Федерации, – порядка 4–5 млн человек. При этом не учитываются потери населения РСФСР от голодного 1934 года [23].

Важнейший вопрос темы – это причины огромных жертв Украины во время голода по сравнению с другими регионами СССР. На наш взгляд, точнее всех в определении величины демографических потерь Украины в 1932–1933 годах являются С. Уиткрофт, как специалист, досконально изучивший источники по данной проблеме, и самый авторитетный зарубежный исследователь в области изучения демографических потерь СССР в 1930-е годы [22], а также С. В. Кульчицкий, один из авторитетных украинских исследователей трагедии [12]. Они назвали цифру жертв голода – 3 – 3,5 млн человек.

Огромные потери Украины от голода определяются, с одной стороны, размерами территории республики и численностью её населения, проживавшего в сельской местности, в зоне сплошной коллективизации. С другой стороны, они стали результатом жёстких мер властей по установлению контроля над стихийной миграцией голодающего населения, цель которых была в сохранении колхозного производства. Характер этих мер, опять же, определялся огромной территорией Украины, её пограничным, стратегическим положением по сравнению с другими зерновыми районами СССР.

В данном контексте нельзя не указать на ряд, существенных, на наш взгляд, аспектов проблемы, нуждающихся в объяснении в рамках концепции геноцида народа Украины голодомором. Речь идёт о политике сталинского режима во время голодного бедствия в 1933 года. Она не выглядит политикой «геноцида» с точки зрения следующих фактов.

По нашим подсчётам, основанным на анализе источников, опубликованных в третьем томе сборника документов «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание» (т. 3), в 1933 году в общей сложности Украина получила 501 тыс. тонн зерна в виде ссуд, что было в 7,5 раз больше, чем в 1932 году (65,6 тыс. тонн). Российские регионы (без Казахстана) соответственно получили 990 тыс. тонн, лишь в 1,5 раза больше, чем в 1932 году (650 тыс. тонн).

Откуда взялось зерно для Украины? На наш взгляд, в том числе из-за прекращения весной 1933 года хлебного экспорта из СССР, который снизился в 5 раз (с 1800 тыс. тонн в 1932 году до 354 тыс. тонн в 1933 году).

Много ли получила Украина в 1933 году продовольственных и семенных ссуд из Центра? Почти столько же, сколько в 1922 году вся Советская Россия от всех международных организаций, участвовавших в оказании помощи голодающим в России (568 тыс. тонн).

Почему именно в Украину в 1933 году было направлено из Центра такое огромное количество зерна? Потому что в УССР сложилась наиболее острая ситуация в зерновых районах, поставившая под угрозу срыв посевной кампании, чего сталинское руководство не могло допустить из-за особой роли республики в зерновом производстве страны.

Историкам известны документы о том, что И. В. Сталин в 1933 году лично санкционировал направление в Украину зерна в ущерб российским реги-

онам. Вот лишь один факт. 27 июня 1933 г. в 23 час. 10 мин. секретарь ЦК КП(б)У М. М. Хатаевич направил Сталину шифрограмму следующего содержания: «Продолжающиеся последние 10 дней непрерывные дожди сильно оттянули вызревание хлебов и уборку урожая. В колхозах ряда районов полностью съеден, доедается весь отпущенный нами хлеб, сильно обострилось продовольственное положение, что в последние дни перед уборкой особенно опасно. Очень прошу, если возможно, дать нам ещё 50 тысяч пудов продссуды». На документе имеется резолюция И. В. Сталина: «Надо дать» [15]. В то же время на просьбу начальника политотдела Новоузенской МТС Нижне-Волжского края Зеленова, поступившую в ЦК 3 июля 1933 года, о продовольственной помощи колхозам зоны МТС был дан отказ [16].

Противоречит концепции «геноцида голодомором» постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 июня 1933 года «О распределении тракторов производства июня – июля и половины августа 1933 года», согласно которому из 12100 тракторов, запланированных к поставке в регионы СССР, Украина должна была получить 5500 тракторов, Северный Кавказ – 2500, Нижняя Волга – 1800, ЦЧО – 1250, Средняя Азия – 550, ЗСФСР – 150, Крым – 200, Южный Казахстан – 150. Таким образом, российские регионы, вместе взятые, получали 5700 тракторов (47 %), а одна Украина – 5500 (45,4 %) [17].

В этом же ключе следует рассматривать и решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 декабря 1933 года о закупке 16 тыс. рабочих лошадей для Украины в БССР и Западной области. Учитывая реальную ситуацию в СССР в 1933 году, в том числе распространение голода и на территорию Белоруссии и Западной области, где люди умирали от голода, можно увидеть, что Украина получила несомненные преимущества в данной части, по сравнению с другими регионами страны [18].

И, наконец, «проукраински» выглядят даже решения Политбюро ЦК от 23 декабря 1933 года и от 20 января 1934 года о развертывании индивидуально-огородничества, крайне необходимого в условиях начавшегося в СССР в 1930-е годы перманентного голода. ЦК ВКП(б) постановило разрешить в 1934 году 1,5 млн рабочих заняться собственными индивидуальными огородами. Из них «украинская доля» рабочих-огородников в общей массе рабочих СССР, допущенных к занятию огородничеством, составила 500 тыс. человек, или 33, 3%! [19].

На наш взгляд, перераспределение в пользу Украины в 1933 году перечисленных материальных ресурсов и другие меры по укреплению её экономики не вписываются в такое понимание действий власти, как «геноцид».

Главный вывод, к которому пришёл автор в результате многолетних исследований данной темы, следующий: голод 1932 – 1933 годов – эта общая трагедия украинцев, русских и других народов бывшего СССР, трагедия всей советской деревни. И эта трагедия должна не разъединять, а объединять народы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 55–71.
2. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: Сборник документов и материалов. Т. 1. / Под ред. Г. Е. Корнилова. Оренбург: ОГПУ, 2005. С. 205.
3. Батырбаева Ш. Д. Демографические потери киргизского населения в годы голода в начале 30-х годов XX в. (источники и методы их изучения) // Известия Томского политехнического университета. Т. 307. 2004. № 6. С. 172–174.
4. Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р–5883. Оп. 3. Д. 16. Л. 117.
5. Государственный архив Орловской области. Ф. Р–1847. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
6. Государственный архив социально-политической истории Самарской области. Ф. 1141. Оп. 14. Д. 8. Л. 5.
7. Davies R. W. and Stephen G. Wheatcroft. The years of hunger: soviet agriculture, 1931–1933. Palgrave Macmillan, 2004. – 555 p.
8. Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930 – 1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 315 с.
9. Капустян А. Т. Национальная историография голода 1932–1933 гг. в Украине // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2008. № 2. С. 96–101.
10. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.
11. Кондрашин В. В. Трагедия 1932–1933 гг. в поволжской деревне в памяти народной // Записки краеведов. Сборник материалов. Вып. 2. Ч. 2. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2004. С. 83–100.
12. Кульчицкий С. В. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Часть 1. Донецк, 14–16 мая 1991 г. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1991. С. 38–39.
13. Сабов А. Голодная правда // Российская газета. 2006. 6 декабря.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 24, 26–27.
15. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 64. Л. 35.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 38. Л. 96.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 923. Л. 17, 41.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 936. Л. 12.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 937. Л. 8, 68–69.
20. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В4-хт. / Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. – 864 с.; Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. М.: РОССПЭН, 2005. – 840 с.
21. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930–1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виольи. М.: РОССПЭН, 2001. – 1008 с.
22. Уиткрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 866–887.
23. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 1. Д. 747. Л. 337–338.